

Представленные в художественных произведениях, микротопонимы не только показывают значимость топонимического пространства в языковой картине мира деревенского жителя, но и активно участвуют в создании образа культурного ландшафта.

Ревякин А. И. А. Н. Островский в Щелькове. 2-е изд, испр. и доп. М., 1978

Л. В. Непоп-Айдачич
Киев (Украина)

Значение этимологических данных для реконструкции польского языкового образа цветов

Бесспорным является тот факт, что названия цветов в польском, как и в других языках, имеют разное происхождение. Многие номинации, будучи общеславянскими или собственно польскими, мотивируются основами, которые и сегодня принадлежат к активной лексике, что позволяет прочесть этнолингвистическую информацию, заключенную во флорониме, путем выявления причин возникновения лексико-семантической производности. Таким образом можно восстановить связь между внешним сходством формы цветка колокольчика и колокола в польском названии *dzwonek* или между неодинаковой окраской лепестков и существующей в польском языковом сознании ассоциацией с братом и сестрой (подкрепленной легендой) в синонимических названиях *bratki*, *brat z siostrą* 'анютины глазки' и т. д.

В настоящем докладе мы рассмотрим случаи дезтимологизации и заимствования, затемняющие мотивированность флоронимаций.

1. Пол. *kocanki* 'цмин песчаный' является производным от ласкательной формы слова *kot* [Spółnik, 1990, 80]. Сегодня эта связь стерлась и выявление мотивированности названия (отражающего признак пушистости растения) затруднено. Дезтимологизация характерна также для пол. *dziewanna* 'коровяк' (от псл. **divizna* < **diviti* 'блестеть, яснеть' [Там же, 66–67], по цвету лепестков растения). Пол. *macierzanka* 'тимьян обыкновенный', скорее всего, восходит к более раннему *macierza duszka* [Там же, 77–78]. Название мотивируется ароматом растения (от *duch* 'запах') и его лекарственными свойствами (от органа, на который оказывалось воздействие: *macica* 'матка').

2.1. Некоторые флоронимации-кальки утратили связь с иноязычным образцом в результате языковых преобразований на польской почве. Например, пол. диал. *łaniuszki*, *łanki* и ранние пол. *łanysz*, *łanoszka* ('ландыш') – производные от ст.-пол. *łanie uszka* – букв. «ушки оленя», являющегося калькой лат. *auricula cervi* [Sławski, 4, 47–48; ЕСУМ, 3, 190].

2.2. Адаптированные заимствования несут в себе скрытые этнолингвистические данные. Например, пол. *konwalia* (< *konwalijum* от лат. (*lilium*) *convallium* 'ландыш' (букв. «лилия долин») [ЕСУМ, 2, 547; Sławski, 2, 442–443] информирует о месте

произрастания цветка (в долинах) и его внешних признаках (похож на лилию). Эти свойства подчеркиваются также польскими (калькированными) соответствиями латинского словосочетания: *lilia padolna* – букв. «лилия долин» [Linde, 2, 590; ЕСУМ, 2, 547; Siawski, 2, 442–443]; *polna lilia* – букв. «полевая лилия» [Spólnik, 1990, 26].

2.3. Явление многократного акцентирования важных для образа растения качеств в параллельно функционирующих собственно польском и заимствованном наименованиях представлено многими примерами: пол. *dzwonek* ‘колокольчик’ (от *dzwon* ‘колокол’ на основе сходства формы цветка) – пол. *kampanula* ‘колокольчик’ (лат. *campanula* от *campāna* ‘колокол’); пол. диал. *bocianie noski* ‘герань’ (от *bociani nos* ‘журавлиный нос’ < *bocian* ‘журавль’, из-за длинных, острых плодов, похожих на журавлиные носики) – пол. *gerania, geranium* ‘герань’ (через лат. *geranium* из гр. *γέρανιον*, от *γέρανος* ‘журавль’) [ЕСУМ, 1, 497] и др.

3. Можно предположить, что чертой, мотивирующей отнесение лексемы *karafijot* к садовой гвоздике (*Dianthus Caryophyllus*), является сильный аромат (ср. лат. *Caryophyllus aromaticus* ‘гвоздичное дерево’) [см.: Непоп-Айдачич], но утрата живой смысловой соотнесенности названия с мотивирующим признаком привела к его использованию по отношению ко многим растениям, поэтому пол. *karafijot* воплощает сплетение представлений о самых разнообразных растениях [см.: Brückner, 219].

Этимологический анализ собственно польских и общеславянских флорономий, утративших живую связь с мотивирующими основами, позволяет выявить этнолингвистически важные сведения о чертах цветов, являющихся основными компонентами их языкового образа. Если речь идет о разного рода заимствованиях, то представленные в иноязычных лексемах признаки становятся составляющими польского языкового образа цветов в том случае, если они вербализируются также средствами польского языка. При утрате этимологии заимствованных флорономий вследствие отсутствия собственно польских соответствий, закрепляющих представление о данной черте растения, а также мифологическо-легендарных переосмыслений названия чаще всего происходит разрыв связи между денотатом и лексемой.

Непоп-Айдачич Л. В. Стереотип гвоздики в польском языке и культуре // Этноботаника. М., в печати.

Spólnik A. Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1990.

С. Е. Никитина
Москва

Этноконфессиональная лингвистика?

Словосочетание *этноконфессиональная лингвистика* может быть понято в двух смыслах. Можно считать, что это область славянской этнолингвистики, которая исследует специфические языковые стереотипы, связанные с религиозной сферой. Так, вопросники по народному православию являются необходимыми